

HARLEQUIN®

021

Элизабет Бикон
**ХОТА
НА ГЕРЦОГИНЮ**

И С Т О Р И Ч Е С К И Й Р О М А Н

Исторический роман – Harlequin

Элизабет Бикон

Охота на герцогиню

«Центрполиграф»

2012

Бикон Э.

Охота на герцогиню / Э. Бикон — «Центрполиграф»,
2012 — (Исторический роман – Harlequin)

Джек Сиборн, потомок флибустьеров, титулованный герцог Деттингем, обязан не только радеть о сохранности и процветании вверенной ему провинции, но и позаботиться о достойном наследнике титула. В светских же кругах ходят слухи о причастности герцога к некоему преступлению, и Джеку необходимо заткнуть рот сплетникам, спешно женившись. Но стоит ли ему жертвовать своим счастьем?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Элизабет Бикон

Охота на герцогиню

Глава 1

– Юджина, душечка, а вы уверены, что тот симпатяга Сиборн, от которого мы все едва не сомлели еще на нашем первом балу, был похищен или убит герцогом Деттингемом? – нервно хихикала молодая матрона на одном из последних приемов лондонского сезона.¹

– Наши джентльмены сейчас заключают пари, долго ли он еще будет морочить всем голову, Лотти, – внушительно добавила возбужденная доносчица. – Но, разумеется, ставки не записаны, все конфиденциально, иначе герцог обязательно вызовет на дуэль любого, кто отважится прилюдно обвинить его в таком ужасном преступлении, а он первоклассный стрелок. Несомненно, злодей, устранивший своего наследника, всадит пулю и глазом не моргнет.

– А герцог, между прочим, весьма обаятелен, – задумчиво улыбнулась Лотти, найдя зерно истины среди плевел. – Он смотрит так, словно ему и плюнуть лень на наши пересуды, даже сердце замирает. А стоит ему взглянуть на меня... О, вот как сейчас... Своими пронзительными зелеными глазами... У меня начинают дрожать коленки и в голову не приходит ни одной путной мысли.

– Не одобряю бесовских повес, – чопорно ответила Юджина.

– Порой и жемчуга не жаль за один лишь танец с ним. А то и душу заложить за нечто более стоящее.

– Все это для меня означает только одно – он бессердечный эгоист, – безапелляционно заявила светская сплетница.

– Представьте, он мог бы поволочиться и за вами, – возразила Лотти.

– Позволить такое? Чтобы быть убитой в своей постели, после того как он натешится мной? Избавьте, – холодно ответила Юджина и отправилась искать более доверчивые уши – надо же куда-то вылить свой яд.

Джессика Пэндл всегда знала, как тяжело высиживать здесь, сохраняя внешнее спокойствие и делая вид, что оглохла и поглупела – в дополнение к своей хромоте.

– Джессика!

Она услышала в этом возгласе невысказанные опасения матушки, та опасалась, что сейчас ее дочь не выдержит, вскочит с места и объявит во всеуслышание, что все басни о Джеке Сиборне, герцоге Деттингеме, злонамеренно разносятся этой светской львицей.

И Джек, и его кузен Ричард никогда не навредили бы друг другу, даже во спасение собственной жизни, и все, кто близко знал их, радостно поклялись бы в сем непреложном факте. Тем не менее ни одна леди, даже в таких преклонных летах, как она, не способна свидетельствовать в пользу постороннего джентльмена, а лишь способна ухудшить его положение.

– Да, мама? – рассеянно пробормотала она.

– Сделай вид, что не расслышала их болтовню, – настойчиво шепнула леди Пэндл.

– Было бы что слышать. Полная бессмыслица. – Джессика едва шевелила губами. – Джек и так герцог, к чему ему убивать кого-то из-за титула, тем более кузена? Неужели они всерьез

¹ Лондонский сезон по времени соотносился с сессией парламента и обычно начинался после пасхальных каникул, когда дворянские семьи выезжали в столицу из своих поместий. В мае – с открытием ежегодной выставки Королевской академии искусств – сезон стартовал официально. За выставкой следовали придворные балы и концерты, частные балы и танцы, вечеринки и спортивные состязания. Пик сезона приходился на середину июня, между скачками Дерби и Аскот. Парламент всегда приостанавливал работу 12 августа, когда начинался сезон охоты на куропаток и высший свет покидал Лондон.

полагают, что Джек нацелился известить всех мужчин семейства Сиборн, потому что ему пришла в голову сумасшедшая идея устранить возможных конкурентов?

– Неужели ты думаешь, что эти сплетни распространяют ради правды, милая? Так бездельники от скуки сочиняют плохие романы и сами же ими упиваются. Но что толку, если мы обе ринемся защищать Джека?

– Никакого, – согласилась Джессика. – Правда, эта дама с начала сезона из кожи вон лезла, чтобы заполучить Джека в мужья, – я не удивлюсь, если он теперь озлобился и надел кольчугу. Если кого ему и суждено убить, так ее в первую очередь.

– Отвергнутая женщина очень опасна, однако мы обсудим это дома, без посторонних, разве что папа пожелает нас выслушать. Сейчас лучше всего сделать вид, что мы ничего не слышали, – посоветовала мать.

– Но Джек благородный человек. Хотя когда он спесиво задирает свой длинный нос, мне ужасно хочется иногда всыпать ему как следует. Но я уверена в его порядочности. Он не способен на злодейство, – настаивала Джесс, смущенно качнув головой.

– Ты сама даешь ему повод поддразнивать тебя – вспыхиваешь при малейшем намеке, милая, – нежно заметила мать, и Джессика припомнила, что в обеих семьях никогда не находили ничего предосудительного в герцогских замашках Джека.

– Зачем ему выказывать свой великосветский норов, если он не записной повеса, как о том говорят – конечно, не в моем присутствии – с тех пор, как он приехал из Оксфорда? – пробормотала она и поймала удивленный взгляд матери.

– Порой ты так рассудительна, голубушка, словно в бабушки Джеку годишься, – чуть улыбнулась мать, но Джессика не успела заметить ее лукавства, поскольку расстроилась не на шутку.

– Неужели я похожа? Да? – Она представила безобразное лицо старой аристократки и поморщилась. – Ни за что в жизни. Больше не буду отшпиливать его, – добавила она и приоткрыла, призадумавшись: с чего это вдруг мама просияла?

Долго думать не пришлось, публика у входа оживилась, и по бальной зале побежал восторженный шепоток – явилась некая важная персона. «Неудивительно», – подумала она, наблюдая, как непринужденно герцог Деттингем прошел в залу, словно забрел в собственный сад, затем криво улыбнулся и с шутливой грацией поклонился хозяйке. Хозяйка – светская матрона в годах – все корчила из себя стыдливую девицу, какой была лет двадцать назад, и жеманно улыбалась, когда герцог по-рыцарски старомодно целовал ей ручку.

Джессика хмурилась, наблюдая, как Джек постепенно втирается в неприятельские круги, привычно ловко и самоуверенно. Она окинула его критическим взглядом: похоже, он одевался в потемках – сюртук немного не впору и элегантный шейный платок повязан небрежно, однако эта небрежность придавала ему некую мрачную загадочность. Видно, герцог не гнался за модой и всякий раз предпочитал создавать свой собственный стиль, снисходительно позволяя светской молодежи тщетно копировать своего кумира. «Он неподражаем, – подумала она, – в нем есть та естественная грация, которой лишены многие».

Между тем герцог Деттингем слегка удивленно, словно обзревая расфуфыренных обзвьян на подиуме, окинул взглядом ассамблею, затем, когда заметил в толпе немногочисленных друзей и направился к ним, взгляд его потеплел. «Да, его невозможно потерять из виду, – раздраженно думала Джессика, – даже если бы он не был таким рослым – на голову выше всех остальных лордов. Где бы он ни появился, тут же раздаются громкие приветствия, он будоражит всех, этот герцог, словно ему и невдомек, что многие только что злословили о нем и о пропавшем преемнике его титула».

Разумеется, он из древнего и влиятельного рода, с рождения обладает привилегиями, и многие оспаривали бы справедливость его статуса, однако ныне здравствующий герцог Деттингем, титулованный глава рода Сиборн, высок, подтянут, силен и умен, к гордости весьма

придирчивых родственников. Пожалуй, было бы лучше, если бы он не претендовал на роль вожака и не лез в дела всей их стаи, поскольку многие из клана Сиборн унаследовали свободолюбивый характер своих предков, промышлявших пиратством. Но при всем их желании подрезать ему крылья, Джессика не сомневалась, ни один из них не способен распускать оскорбительные слухи о Джеке и Риче.

Джессика не придавала никакого значения дурацким басням – тем более что герцог держался совершенно невозмутимо – и прислушалась к своему внутреннему голосу. Присутствие Джека всегда приводило ее в волнение, хотя он сам нисколько не старался понравиться ей. Стоило ей завидеть его, надменно сияющего, как она – несчастная глупышка – начинала трепетать всем телом, но никогда и виду не подавала, что он ей небезразличен. В ее окружении, помимо Джека, были и другие симпатичные и деятельные джентльмены – истинные лорды, умеющие кончиком пальца властно повелевать остальными. Умом Джессика понимала – он равный среди равных, однако ее упрямое сердце нашептывало: «Джек особенный, он покоряет своей естественной властью, не будет изворачиваться ради самоутверждения, у него врожденное чувство мужского достоинства, и он не уронил бы своего лица, даже если бы ему повезло в свои шестнадцать оказаться сыном сапожника, а не герцога».

В детстве она была отчаянным сорванцом и стремилась принимать участие в мальчишеских забавах Джека и Ричарда: играла в их подчас жестокие игры, участвовала в скачках на лошадях, но подростки – ему тогда было уже шестнадцать, а ей двенадцать – обычно не принимали ее в свою компанию. Джессика припомнила, как упрямо взбиралась на холм и спускалась в долину, пытаясь обнаружить мальчишек, они нарочно улизнули из дому на рассвете и вернулись уже в сумерках, чтобы она не увязалась за ними. Можно было бы стыдливо покраснеть при этом воспоминании, но теперь она достаточно стара для таких эмоций. Тем более надлежит не терять бдительности и оставаться холодно-сдержанной, когда на нее поглядывает некий легкомысленный аристократ.

– Ричард всегда тревожился, ибо, если что-то, не дай бог, случится с Джеком, ему самому придется принять бремя герцогства, – пробормотала она вполголоса и услышала удивленный вздох матери – неужели ее дочери не о чем больше подумать сейчас.

– Джессика, прежде чем высказываться об отношении своих друзей к внезапному поводу для приема наследства, будь любезна припомнить, где ты находишься.

– Я совсем не то имела в виду, к тому же никто не обращает на меня никакого внимания. Все теперь слишком заняты Джеком – там свои интриги и скандалы, разве им есть дело до того, как выскажется ничтожество, подобное мне.

– Ты, как всегда, недооцениваешь себя, – укорила мать, и Джессика уловила заботливые нотки в ее голосе.

Она постаралась изобразить интерес к происходящему, наблюдая, как Джек по-хозяйски обходит бальную залу.

Ей даже удалось вытерпеть беседу с неким амбициозным выскочкой, делавшим политическую карьеру и искавшим себе жену с нужными связями в обществе. Джессика знала, что у нее хорошая родословная и много родственников в свете, но никак не могла взять в толк, отчего этому прилежному джентльмену вздумалось подбивать к ней клинья. В свои двадцать три года ей пора уgomониться, как-никак восьмой ребенок в семье, и заботливые, щедрые родители уже выделили долю семерым старшим, улетевшим из отчего дома. Нет, та новая родня, конечно, не богата и не влиятельна. А ей напоследок мало что досталось, разве что заурядная внешность и поврежденная левая щиколотка. Она, правда, рассчитывает на скромное наследство, оставленное двоюродной бабушкой, – та беспокоилась, что внучка не выйдет замуж и будет нуждаться в средствах. Да, ее отец – виконт, а крестная – любимая тетюшка герцога Деттингема, вдова брата его отца. К счастью, Джессика догадалась не обнадеживать несимпатичного

ей господина Следжема этой родственной перспективой, весьма желанной для него, несмотря на темные слухи насчет Джека.

– Что вы хотели сказать, мисс Пэнгл? – Негодник тем не менее не отставал, и ей стоило усилий не смотреть на него как на пустое место.

– Благодарю, пустяки. – Твердый, но благовоспитанный отказ, хотя его мало чем смутишь.

– Тогда позвольте мне принести прохладительные напитки для вас, леди Пэнгл? – вежливо осведомился господин Следжем у матери, и Джессика вздохнула свободно.

– Не беспокойтесь, мистер Следжем, однако благодарю вас за любезность и за компанию. – Мать произнесла это так слащаво, что навязчивый тип справедливо расценил ее тон как намек на отставку и немедленно исчез.

Джессика представила себе скучное замужество с этим недотепой и внутренне содрогнулась, но Джек Сиборн собственной персоной уже маячил перед ее колючим взором, и мистер Следжем был немедленно позабыт. Сердце ее зачастило от волнующей близости, но она приказала ему вести себя достойно. Он, разумеется, сейчас подойдет полюбезничать с ними, если, конечно, в настроении этим вечером. Леди Пэнгл давно дружит с его тетей Мелиссой, а Джессика и вовсе приходится той крестницей, потому вряд ли сей джентльмен обойдется простым кивком, как с остальными знакомыми.

Джек вручил ей бокал с лимонадом, даже не испросив предварительно ее согласия. Похоже, он вооружился этим бокалом на тот случай, если она начнет выказывать излишнее рвение, завидев его подле себя. Затем он осторожно уселся на chaise² с таким видом, словно сам удивлялся, что удалось втиснуться между Джессикой и ее матерью.

– Ваша светлость, – промямлила она, чопорно кивнув, и это можно было понять как «спасибо за лимонад», если у него достало воображения.

– Мисс Пэнгл, – вкрадчиво произнес он и слегка наклонил голову – галантен до тошноты. – Не сомневаюсь, вы в добром здравии и бодрости вам не занимать? – спросил он так, словно девице не двадцать три, а лет этак сорок.

– Благодарю, весьма довольна, – ответила она сдержанно.

Ему всегда доставляло удовольствие позлить ее и затем наблюдать, как она пытается не выдать своих эмоций. «Досадно и совсем не по-мужски с его стороны». – Она со свирепым видом, молча высказала ему эти мысли, маскируя их слабой улыбкой. Он усмехнулся и вытянул перед собой ноги, словно ему и дела нет до ее переживаний. Джессика невольно восхитилась элегантностью его лосин, хотя ей было неловко чувствовать близость гладко-стальных мускулистых мужских ног. Угораздило же его сесть рядом! Его черные как смоль, слегка длинноватые кудри мерцали и переливались под мятущимися отблесками свечного пламени, твердо очерченный рот, вместе с лучистыми золотисто-зелеными глазами, чуть улыбался. Да, он весь – воплощенная девичья мечта, но ей не приходится мечтать о том, о чем грезят остальные благородные светские леди.

Она почти убедила себя в том, что он – заурядный джентльмен, вежливо присевший рядом ради светской беседы, поэтому нечего ей краснеть из-за этого, как идиотке, он всем так улыбается. Джек Сиборн не пожелает ее, даже если ему поднесут ее на блюде нагую, словно вопреки на рождественском столе – с яблоком в зубах. Она представила его падающим ниц подле своих далеко не совершенных ног и едва не прыснула со смеху, но тут же опомнилась, уловив его недоумевающий взгляд. Он пристально рассматривал ее растягивающиеся в улыбке губы.

– Вот и хорошо, – вежливоотреагировал он, и она насторожилась. – А я должен преподнести вам категорически дружеское приглашение погостить в Эшбертоне. Моей милой тетушке вздумалось этим летом созвать гостей в наше поместье. Мы все надеемся, что мисс Пэнгл и ее

² Широкое кресло или банкетка в гостиной, мода на эту мебель пришла в Англию из Франции в XVIII в. (фр.)

прелестная матушка с ее обворожительным известным сиром заедут в наш недалекий Херефордшир³ на пару недель по окончании этого провального сезона.

Он произнес все это шутливо, но взгляд его, устремленный на Джессику, был серьезен, в нем читалась даже некая мольба, но она-то знала цену и себе, бедняжке, и ему, герцогу, самому завидному жениху в королевстве.

– Вы желанны, как весенние цветы, гуманно строги со мной – не ради герцога, но ради человека. Милости просим в нашу обитель, вы оживите наше доморощенное представление. Вы согласны? – бесстыдно улещивал он.

– С одним непременным условием, ваша светлость, – откликнулась Джессика, подкупленная серьезным выражением его глаз. – Я должна быть уверена, что вы и без нянек умеете позаботиться о себе.

– Не тот случай, Принцесса. Есть подозрение, что бабушка – мой адмирал – издала указ женить дражайшего внука как можно скорее, ведь мне скоро тридцать – вот-вот впаду в детство.

В его звучном голосе послышались горькие нотки, и Джессика осмелилась, теперь уже пристальнее, взглянуть в его лицо: около губ обозначились жесткие складки, а под глазами залегли тени – явная печать усталости и нервного напряжения.

– Так вы не откажетесь погостить в Эшбертоне несколько недель, Принцесса Джессика? Ваше присутствие добавит перцу нашей серенькой компании, – продолжал он урезонивать ее. – Радостно будет развеяться в вашем обществе, я по горло сыт приторно-сахарными дебютантками, которых грозитя пригласить тетушка, – взмолился он почти всерьез.

Джессика помялась, обдумывая, прельщаться или оскорбляться его доводами. Несомненно, он подмешал в свои медовые речи ложку дегтя, когда вспомнил прозвище Принцесса. Он нарек Джессику так после того, как тетушка, не желая утруждать свою гостью лестницами, отвела ей нижние апартаменты королевы Эшбертона.

– Я просила вас не упоминать этот титул так часто, иначе скоро буду выкрикивать его во сне, – едко отговорила Джессика.

– Обещайте этим летом погостить в Эшбертоне несколько недель, я приложу все усилия, чтобы не повторяться, мисс Пэндл, – настаивал Джек.

– А вы обещайте не высмеивать меня?

– Я не способен на такие недружественные поступки, – произнес он так твердо, словно его лояльность к ней была вне подозрений всегда. И это после всех его былых дразнилок! – Вы – почетная гостья, и всякий, кто осмелится оспорить ваш статус, не замедлит почувствовать свою ошибку, вынужденный держать круговую оборону.

Такие слова должны были бы пролить бальзам на ее душу, но, как ни странно, ей хотелось плакать. «А все потому, – думала Джессика, – что редкая леди удостоивается чести быть приглашенной на роль придворного шута». Вслух же, холодно пожав плечами, сказала:

– Сомневаюсь. Папа вряд ли согласится покинуть Уинберри-Холл, едва вернувшись к делам после долгой столичной сессии. У нас в Нортгемптоншире⁴ скоро сенокос.

– Сенокос – это, конечно, не причина остаться дома. Но не забудь, дорогая, на свет вот-вот должен появиться его очередной внук, а твой отец – кто бы мог подумать! – весьма заботливый дедушка, – вставила мать свое жалостливое слово.

– Да и нам нельзя сейчас покинуть родных, Ровена ждет своего первенца, и наша помощь будет ей весьма кстати, – возразила Джессика.

– У Ровены еще много недель до родов, и она, как всегда, вполне бодра и не так хрупка, как мнит ее муж, даром что они женаты уже больше года, – выдала мать свою сентенцию. –

³ Херефордшир – графство на западе Англии, граничащее с Уэльсом.

⁴ Нортгемптоншир – графство в Центральной Англии.

Что он, что твой отец – те еще наседки, но я не собираюсь сидеть и кудахтать вместе с ними, нечего им потакать. А отдохнуть пару недель в Эшбертоне в качестве особо уважаемых гостей – дельное предложение, тем более что мне предстоят заботы с новорожденным внуком. Так что весьма признательна вам за приглашение, ваша светлость, – вынесла окончательный вердикт леди Пэндл.

Итак, если он правильно понял, этим летом в Херефордшир придут лорд и леди Пэндл с их младшей незамужней дочерью, понаблюдать, как его светлость герцог Деттингем выбирает себе герцогиню, и не имеет значения, как на то посмотрит их дочь.

– Что ж, буду весьма признателен, если ваша закуска взбодрит наше пресное тесто. – Джек усмехнулся.

Такая усмешка приручила бы и горгону Медузу. Джессика поняла, что на этих смотрах надежды увидеть его поверженным у ног одной из приглашенных кобылок напрасны, поскольку дешევкой его не купишь. Джек Сиборн дьявольски привлекателен, и любая разумная женщина, которой он не предлагает руку и сердце, обязана обходить стороной это искушение ада, но сама Джессика не могла проигнорировать его мольбу о помощи.

Все же почему он так покорно согласился сыграть роль жениха в спектакле, задуманном его бабушкой? Его вечная гримаса разочарованного циника до сих пор надежно отпугивала почти всех рьяных охотниц за мужьями, а сам он старался держаться подальше от неопытных юных дев, даже самых прелестных. Отчего же он внезапно решил изменить свой статус?

Джессика вздохнула – неисповедима душа Джека Сиборна, но в ближайшее время она постарается разгадать его думы и постичь смысл его поступков.

– Пожалуй, я могла бы остаться дома на тот случай, если Ровене понадобится моя помощь, – предприняла она последнюю отчаянную попытку увильнуть от разгадки чужих тайн.

– Зачем ей ваша помощь, если у нее под боком заботливый муж? Вряд ли он позволит вам отбивать свой хлеб. А вот нам вы нужны, Принцесса. Уж если вы забрали себе в голову помогать всем и вся, почему бы не уделить толику вашего внимания семейству Сиборн? – Стальные нотки пробились сквозь бархат его голоса. Очевидно, и в самом деле этим летом он почему-то отчаянно нуждается в ее присутствии на этих смотрах.

– К чему мое присутствие на столь высоком собрании в качестве белой вороны? – Внутренняя тревога все нарастала.

– Да нет же, – отрывисто бросил он и так в упор посмотрел на нее золотисто-зелеными глазами, что по ее спине пробежал холодок.

Похоже, она начала догадываться, и предчувствия были самые мрачные.

– Я не юная дебютантка, у которой нет своего мнения, – напомнила она.

– Разве вы когда-нибудь выступали в таком амплуа, Принцесса? – Его улыбка почти обезоруживала.

– Да, но теперь у меня не такие наивно-доверчивые глаза.

– Мы все тоже не слепые.

– Тогда в Эшбертоне известно, что я не та особа, которую можно приглашать в дом, ежели вы вознамерились устроить массовые смотрины и найти свою избранницу среди гостей. – Она рубила плеча и вдруг поняла, что высказалась негуманно, дерзко.

Зеленые глаза потемнели, рот сжался в тонкую линию. Он смотрел холодно и высокомерно, и обычно только это раздражало ее. Однако сейчас его невысказанное презрение пугало, казалось, отныне она навсегда потеряла его уважение, более того, он даже не счел нужным объяснить почему. Ее рука дрогнула, и она запнулась, затаив дыхание, словно боялась, что с губ вот-вот сорвется мольба о прощении.

– Может статься, вы как раз и нужны мне там для того, чтобы отыскать мой идеал женщины, прямо противоположный вашей натуре, мисс Пэндл, – наконец произнес он, но эта пауза лишь усугубила жестокость его слов.

Он явно обиделся и рассвирепел, но ей, по крайней мере, удалось скрыть свое разочарование. Горько представлять, как он выбирает себе в жены добродетельную юную прелестницу. Некогда в свои шестнадцать она так страшилась лицезреть эту сцену. Неужели же она до сих пор осталась той же романтической идиоткой? Нет, если взрослой Джессике Пэндл предстоит воочию увидеть некую невинную жертву его остроумия, импозантности и мужского обаяния, необходимо заранее ожесточить свое сердце, чтобы юная мечтательница Джесс унеслась далеко и надолго от недалекого Херефордшира. Скажем, на Гаити.

– Перед вами антипод вашей избранницы, – равнодушно подтвердила она. – К чему лишнее беспокойство?

– Меня в дрожь бросает при мысли, что вы вдруг решитесь выйти из роли мученицы, тогда вас следует опасаться, Принцесса, вы можете далеко зайти, – ответил он загадочно.

– Верно, – вмешалась леди Пэндл, глубокомысленно кивая, и Джессика невольно обратила на нее свирепый взгляд, который изначально предназначался Джеку.

– Полагаю, в таких ситуациях я вполне могу рассчитывать на поддержку моей матери. – Она постаралась сказать это твердо и с достоинством.

– Всегда и везде, милая, – отозвалась леди Пэндл. – Однако тебе пора становиться на крыло.

– На сломанное? – От смущения Джессика высказалась слишком резко.

– Чепуха, поврежденная лодыжка придает вам благородное изящество, – быстро нашелся Джек.

– Вы редко ошибаетесь, но сейчас более чем, ваша светлость, – угрюмо заметила Джессика.

– Не более чем вы, когда унижаете себя перед голосистыми глупцами. Уж если на то пошло, вы в таком случае не умнее этих петушков, – добавил он грубо.

– Неужели? – спросила Джессика тоном, достойным королевы.

Ей ли не помнить эти нескончаемо продолжительные вечера в душных залах? Натянутые беседы, участливые взгляды, нечаянные знаки внимания его светлости герцога Деттингема, на минутку оторвавшегося от стайки бойких девиц. Это и единственные ее увечные радости в долгие присутственные вечера. Она не позволит уточнять свой статус этому мужчине, которому стоит только пустить слух о женитьбе, и стаи лучших невест Британии ринутся на его зов.

– Да, – односложно ответил он, словно сомневался в своем всемогуществе и ее тупости.

– Но я, по крайней мере, не присваиваю себе право распоряжаться чужими жизнями.

– Вы нагнетаете страсти, мисс Пэндл. Неужели вас так волнуют мои грехи или вы не задумывались об этом? – лукаво поинтересовался Джек.

– Нет. Моей жизни не хватит, чтобы перечислить ваши прегрешения, – отрезала она и слегка улыбнулась, маскируя свои гневные эмоции.

– Вы споетесь с моей бабушкой, если только у нее достанет сил поучаствовать в этой забавной интрижке, а тетушка Мелисса и вовсе прилежно старается ради меня, – сказал Джек.

Джессика припомнила вдовствующую герцогиню Деттингем – авторитарную и в общем-то резкую и грубую особу. Можно было бы посмеяться над этим вздорным предположением, но, странно, оно совпадало с мнением ее матери...

– Что ж, не я одна вижу вас изнутри, – надменно произнесла она, стараясь не расплакаться.

– И ваша прекрасная внешность вполне соответствует вашей душе, мой мальчик, – снова вмешалась леди Пэндл и бросила на дочь предостерегающий взгляд. – Передайте тетушке Мелиссе, что мы конечно же приедем. Если же мне удастся вытащить господина Пэндла с полей и оторвать его от нашей милой Ровены, он тоже поспешит оказать вам поддержку в таком важном деле.

– Благодарю, миледи, весьма признателен, – ответил Джек, и на Джессику внезапно нахлынуло ужасно неженственное желание как следует пнуть его благородную лодыжку, чтобы он, а не она хотя бы раз в жизни неловко захромал прочь.

Но мать уже поднялась с места, опираясь на услужливо протянутую руку Джека, это означало окончание раунда. Теперь противники могут разойтись по своим углам.

– Рад буду снова приветствовать вас в Эшбертоне, Принцесса, – шепнул он на прощание, ловко подсаживая их в экипаж.

Джессика расстроилась окончательно.

– Вы и не заметите меня среди множества благовоспитанных юных красоток, – нарушила она этикет.

– Ах, Принцесса, вас-то я всегда выделяю, – ответил он так, словно напрашивался на благодарность.

Он отступил, и на его симпатичном лице заиграла уже знакомая невыносимо высокомерная улыбка. Лакей захлопнул дверцу, Джек небрежно махнул рукой в прощальном жесте и скрылся в темноте, вооруженный всего лишь прогулочной тростью. «Верно, еще и насвистывает, словно нарочно приглашает ночного вора отважиться напасть на него», – сердито думала Джессика.

– Если ты и далее будешь так же прилежно выполнять свои обещания, мы с отцом, пожалуй, вынуждены будем отречься от тебя, – едко сказала матушка.

– Что вы имеете в виду? Я всегда придерживаюсь своих обетов, – возразила Джессика, задетая за живое гневным тоном матери.

– Всего полчаса назад ты клялась, что будешь ласкова с Джеком, и в конце концов повела себя с ним как разобиженный ребенок. Скандал, да и только!

– То-то у меня предчувствие, не остаться бы сегодня без ужина. – Джессика постаралась свести все к шутке.

Она понимала, что мать в общем-то права. Поддавшись унынию, представив, что Джек женится и это событие разрушит ее привычный мирок до основания, она позволила этим эмоциям подавить все навыки добропорядочного поведения.

– Придется заложить за щеку камешек, чтобы не распускать язык, – пообещала Джессика, внутренне приготовившись блюсти данное слово хотя бы в течение двухнедельного пребывания в доме Джека.

Джек Сиборн – достаточно воспитанный джентльмен, и у нее нет причин держать камень за пазухой, да он и не расстроился – какое ему дело до нее? Он не злопамятен, и в дальнейшем, после этого визита, им суждено видеться лишь случайно, на каких-нибудь особо официальных мероприятиях. У нее семеро братьев и сестер, у него пять двоюродных, впрочем, нет – четыре, исключая Рича, плюс куча более дальних родственников. Скорее всего, им предстоит раскланиваться на крестинах и помолвках – «герцог Деттингем с супругой – мисс Пэндл», – после чего старая дева, предпочтя хорошее лучшему, увянет где-то позади праздничной толпы.

Разумеется, она заранее жалела ту бедняжку, которая обманется блестящей внешностью герцога Деттингема и не распознает его подлинной сущности. У него повадки тирана и неистребимое желание решительно перекраивать судьбы людей из своего окружения для их же блага. Нечего и сомневаться, такой муженек съест бедное дитя с потрохами. Однако помочь ему рассудительно выбрать невесту – вовсе не муки ада, скорее, ее долг. После такого испытания она спокойно сможет удалиться в деревню и разводить свинок или, скажем, вложить свои деньги в строительство каналов или паровых машин. Подобное предпринимательство прославит ее имя, и она прослышет богатой чудачкой.

– Разве может мать просить даже о такой малости, как твое обещание не проявлять свой норов и потерпеть всего лишь две недели? – иронически рассуждала леди Пэндл вот уже битый час, а Джессика под ее взглядом сидела на добротных кожаных подушках, как на иголках. –

И не вздумай в Эшбертоне изображать из себя старую деву, будь самой собой, веселись, как всегда. Это поместье прелестно в любое время года, но в разгар лета там особенно приятно, – наставляла мать.

Можно подумать, что наслаждение гармонией природы и архитектурными изысками для Джессики – утешительная награда за ее отказ грубить хозяевам по любому поводу и без него.

– Но мне и в самом деле всегда приятно гостить в семье тети Мелиссы, – заметила Джессика.

– Да, все будет почти так, как в старые добрые времена, – радостно вещала леди Пэндл.

– Почти, – прошептала Джессика, вспоминая те времена. Тогда она настолько обожала Джека, что принимала на ура все его затеи и была готова повсюду следовать за ним, как преданный щенок.

Тогда она нисколько не сомневалась, что они – друзья навек и, может статься, нечто большее свяжет их. Именно он был ее героем, когда она грезила о сказочном замужестве и вечном счастье. Но все рухнуло в одночасье. Она умчалась на любимом отцовском гунтере навстречу летней грозе и искалечила жизнь обоим. Навсегда. «Лучше не вспоминать те капризы, они так дорого обошлись», – сказала себе Джессика. Совершенно ясно, они с Джеком стали бы наихудшей парой в бурной истории рода Сиборн. А погостить летом в Эшбертоне – прекрасная интерлюдия перед обретением своего истинного пути. Не стоит, конечно, придавать этому событию особого значения, поскольку оно ничем не отличается от остальных доступных ей светских развлечений, вроде сегодняшнего бала. Пройдет и забудется.

Глава 2

На следующий день, увидев Джека на променаде в городском парке, Джессика внезапно поняла, почему предстоящий прием так ее волнует. Она еще издали заметила его, он в свою очередь заметил их фамильное ландо и подивился, как ей удастся различить в толпе герцога Деттингема. Он и в самом деле выделялся в толпе праздно болтающих гуляк и веселящихся друзей своим одиночеством. Джессика поразились тому, как многие светские львицы беззастенчиво бросали на герцога призывные взгляды, надеясь завладеть его разборчивым вниманием, и, прикрываясь веером, нашептывали о нем непристойные сплетни, их молоденькие сестры сидели рядом, наострив ушки, и жеманно улыбались, демонстрируя хорошие манеры.

«Да, он совсем потерялся в своем одиночестве», – подумала она, привыкшая видеть рядом с ним Ричарда. Кузены с детства были неразлучны, в молодости часто появлялись в компании вместе, словно товарищи по оружию. Внезапно Джесс догадалась, почему он замыслил жениться, ей даже пришлось чихнуть, чтобы скрыть свое волнение. Джек надеется, что этот шалопай, узнав о женитьбе кузена, поймет – теперь его шансы унаследовать родовой Земляничный венец⁵ и вернуться домой ничтожны. Ей даже думать противно о другой, более гадкой причине женитьбы, и она готова была во все горло крикнуть «нет!» перед этой сиятельной толпой.

«Вот идиот!» – бормотала она себе под нос, не отрывая задумчивого взгляда от мужественного силуэта. Лавируя среди прохожих, он неуклонно приближался к ним, словно ее мрачные мысли манили его так, как Северный полюс намагниченную стрелку компаса.

– Деттингем, – радушно улыбнулся ее отец.

– Ваша светлость, – любезно приветствовала мать новую мишень старых сплетниц и нарочно помахала герцогу рукой – пусть увидят и уймутся.

– Джек, – равнодушно выдавила Джессика, тем самым подавляя желание прямо спросить: соображает ли ее приятель, каким живодерским способом собирается вернуть своего блудного брата?

– Ну-ну, Джессика, я, конечно, просила тебя щадить его чувства, но не стоило делать это напоказ, – привычно побранила ее леди Пэндл, не забыв между тем предупредительно пнуть по щиколотке своего муженька, чтобы тот не улыбался во весь рот так, словно их дочь и герцог Деттингем уж слишком хорошо знают друг друга.

– Обещаете покорно слушаться свою маменьку в тяжелом бою, Принцесса? – Джек широко улыбнулся. Эта улыбка всегда переворачивала ей душу. С ее позволения, разумеется.

– Если так, я давно уже слыла бы закоренелой лгуньей – под стать вам, ваша светлость. – Она взглядом напомнила ему про обещание не дразнить ее столь ненавистным прозвищем.

Он поклонился с шутовской грацией, и ей пришлось закусить губу, подавляя смехок. Примирение не входило в ее планы, поскольку еще предстоит улучшить момент, когда они останутся наедине, и свести с ним счеты. Она заготовила для него довольно увесистый камешек.

– Простите мое недомыслие, мисс Пэндл, но мои манеры начинают хромать на все четыре, стоит мне увидеть ваше поистине королевское достоинство. – Тон его был слишком смиренным.

– Если бы я переняла вашу манеру извиняться за свои оплошности, меня не приняли бы ни в одной гостиной Мейфэра⁶, – строго выговорила она.

– Отныне буду следовать такому примеру при всякой возможности, иначе мне не отвязаться от прилипал, а я был бы счастлив навсегда разделаться с подобной компанией.

⁵ Земляничный венец – герцогская корона. Украшалась эмблемами в виде листьев земляники.

⁶ Мейфэр – фешенебельный район Лондона.

Отец Джессики громко рассмеялся и с интересом глянул на публику, окружившую Джека и ловившую каждое его слово.

– Что ж, мне самому впору поучиться, дружище, – доверительно вздохнул лорд Пэнгл, не обратив никакого внимания на едкие взгляды и бойкие перешептывания публики.

– Если в следующем сезоне и далее вы пожелаете видеть свою жену в *любой* из комнат вашей лондонской резиденции – даже не мечтайте, – услышала Джессика шепот матери, предназначавшийся исключительно для мужа.

Джек смотрел на них отсутствующим взглядом, и Джессика поняла: у него по-кошачьи тонкий слух, и теперь он остро переживает услышанное, затем она вспомнила, что ей тоже не мешает придерживать язычок в его присутствии.

– Не желаете прокатиться со мной, Пр... мисс Пэнгл? – невинно поинтересовался он, и Джессика снова насторожилась. – Сами видите, я очень стараюсь. – Он пожал плечами и улыбнулся так призывно, что она невольно вспорхнула с места, словно птичка, слетевшая с ветки. Ей и в голову не пришло, что таких птичек у него могло быть много.

– На чем, скажите на милость? – спросила она, снова опускаясь на тугие подушки фамильного ландо.

– Представим, что у меня есть колесница? – Он по-мальчишески улыбнулся и вскинул брови.

Ну как можно на него сердиться?

– Почему бы и нет. – Она глянула на него сверху вниз, глаза ее лучились весельем, губы дергались от смеха.

– Решено, Принцесса? – Он криво усмехнулся и странно посмотрел на нее, словно только что узрел нечто, лишившее его дара речи.

– А я уж решила, что мы договорились насчет имен, – сердито сказала Джессика, хотя на самом деле сгорала от желания томно повиснуть на нем, как и все остальные влюбчивые девицы.

– Простите, – он нервно повел плечами, словно стряхивая наваждение, – нечаянно слетело с языка, мне надо больше практиковаться. Желаете, мы начнем прямо сейчас, мисс Пэнгл, и вы позволите мне сказать нечто путное, прежде чем нас замуруют в замке Эшбертон на целых две недели? Я вполне располагаю некоторыми средствами передвижения и могу укатить с вами за горизонт, поверьте, я не страдаю галлюцинациями. – И он жестом руки указал в сторону блестящего двухколесного экипажа, стоявшего в тени деревьев.

Да, эта элегантная коляска могла вызвать нешуточную мужскую зависть: и пара бойких лошадок, и ливрейный лакей, и грум – все подобраны под стать. Джессике стало интересно, с чего вдруг Джек выскочил из своей великолепной коляски, но она предпочла не углубляться в думы и мысленно рисовать портрет волоокой светской сирены, которая – по слухам – была его тайной любовницей. Ей дела нет до его амурных походов, однако его планы вернуть беглого Ричарда казались настолько нелепыми, что она зябко повела плечами, несмотря на зной июньского полдня. Возможно, он прислушается к мнению старого друга, и ей стоит попытаться отговорить его.

Джек властно прищелкнул пальцами, и экипаж тут же подкатил, игнорируя суетливую толпу на своем пути. Сердясь на власть имущих, Джессика и не заметила, как сама очутилась на узкой скамье коляски рядом с Джеком, ее согласия никто и не спрашивал.

– Благодарю, Брандт, – произнесла она, едва придя в себя и вспомнив, наконец, имя старшего грума Джека.

– Всегда приятно подсаживать истинную леди в наш экипаж, мисс Пэнгл, – ответил пожилой слуга так, словно презирал тех женщин, которые, бывало, удостоивали своим присутствием прогулочную коляску герцога.

Джесс едва не рассмеялась, подумать только: грум, ничуть не смущаясь, выговаривает его светлости герцогу Деттингему.

– Кто бы спорил, – равнодушно обронил Джек и сообщил Брандту, что отпускает его домой – пешком – в награду за дерзость.

– Слушаюсь, ваша светлость, – спокойно согласился грум и быстро зашагал прочь, словно у него гора с плеч свалилась.

Они тронулись с места, и Джессика постаралась не выказывать удивления и тревоги, когда Джек выехал из парка, чтобы высадить лакея у своей летней резиденции на Гросвенор-сквер. Ее, правда, позабавила развязность, с какой слуга отбил церемонную чечетку и снял перед ней шляпу. Затем лакей многозначительно подмигнул Джеку и посеменил к конюшням особняка Деттингемов.

– Где вы нашли такого слугу? – спросила Джесс, дожидаясь, пока серые лошадки надумают признать нового кучера, и Джек, наконец, властно послал их вперед.

– В темном притоне. Однако это будет мой лучший жокей, как только он выучится прислушиваться к тем, кто сведущ больше, чем он мнит, в этом искусстве.

– Так вы посадили его на запятки вашей кареты в наказание за гонор? Верно, у ваших слуг душа рвется именно туда, когда вы гневаетесь на них, ваша светлость, – поддразнила она, втайне отдавая должное его снисходительности, не в пример иным властным грубиянам.

– Мне нет нужды третировать моих слуг, мисс Пэндл. Стоит лишь мне величественно нахмуриться, как все они начинают усердно угождать, словно я не герцог, а сам король.

– Верно, Эшбертон созрел для перемен, – притворно вздохнула она. – Сгораю от нетерпения воочию убедиться и засвидетельствовать.

– Не старайтесь. – Он печально улыбнулся, впору залюбоваться, но к чему ей так распускать себя. – Эти трудяги неплохо управляют с моим дворцом и твердо знают, что в этом деле я и в подметки им не гожусь.

– Они здраво мыслят, – утешила Джессика. – Вряд ли вас с детства обучали командовать сервизами или запасаться салфетками.

– За это я искренне признателен. – Джек выехал на оживленную улицу.

– Куда мы направляемся? – спросила Джесс и потуже подтянула ленточки своей любимой шляпки.

Джек уже разогнал свою пару в плотном транспортном потоке Лондона до разумного предела.

– Туда, где мои лошадки смогут более-менее поразмяться, а мы глотнем, наконец, свежего воздуха, – бросил он на ходу, объезжая повозку и сдерживая резвых лошадей.

Те шархнулись от бешено завертевшегося зонта некоей леди, оглянувшейся на их экипаж.

– Ну вот, теперь пойдут сплетни, – неуверенно сказала Джесс.

– А о чем им еще говорить? – цинично заметил Джек.

– Разве что о вас, – согласилась она.

В самом деле, репутацию хромой мисс Пэндл обсуждать не стоит. Однако ее так и подмывало дать им пищу для новых – невероятно смехотворных – сплетен, чтобы затем спокойно упиваться этой славой.

– Вряд ли эти злодейки поверят в то, что лорд и леди Пэндл позволили мне умыкнуть среди бела дня их единственное сокровище, так что расслабьтесь, Принцесса. Обещаю доставить вас домой, не прибавив к вашему имени и пятнышка, – никто не успеет заметить ваше отсутствие.

– Что ж, с моими набегами в свет отныне покончено, так что пусть говорят напоследок, мне без разницы, – вполголоса успокаивала себя Джесс.

– Что вы хотите сказать?

– Я разве не ясно выразилась?

– Я не так проницателен.

– Да, я умываю руки, ваша светлость. Впрочем, я никогда и не блистала в обществе, так что со светскими сезонами покончено, и тем лучше для меня. Летом в Лондоне скучно. Действительно, как глупо сидеть приклеенной, в душном городе и пропускать лучшее время года, когда все распускается, дышит и цветет в деревне. Лондон провонял, здесь и дождь не освежает, правда, у нас другой погоды не бывает, насколько я помню.

– Возможно, – проронил он, – но вы еще весьма молоды для последних напутствий. Остается только удивляться, почему вы, взяв хороший старт, и пальцем не шевельнули, чтобы продвинуться в свете.

– Неужели до сих пор не ясно? – раздраженно спросила она.

– Я же сказал, что не отличаюсь сообразительностью, или вы где-то слукавили. Сделайте одолжение, поясните, как мне поладить в споре с леди, если она выдает черное за белое, а я уверен в ином? – размышлял он вслух, словно не сомневался в своей правоте всегда и во всем.

– Попробуйте промолчать.

– Вы сами так обычно и поступаете, Джессика? Молча презираете отпрысков благородных семейств, которые не соответствуют вашим высоким требованиям, и они пугливо избегают вашей компании?

Итак, он, оказывается, считает ее снобом, поскольку она не сумела подобрать себе мужа, – ни один не «дотягивал» до ее идеала.

– А вы весьма высокого мнения обо мне, – попыталась отшутиться она.

– Мое мнение несколько не ниже вашей самооценки, – торопливо проговорил он и отпустил поводья.

Поток экипажей наконец-то почти иссяк.

– Просто я мыслю реально, – проговорила она ровным тоном.

– Если бы так, вы давно уже приобрели бы титул леди Имярек, а то и графини, – потечески наставлял он.

– Ну да, лорд Имярек или сам граф несколько не постеснялись бы обременить себя женой-хромоножкой, – съязвила она.

– Единственная, кто переживала бы по этому поводу, вы сами, Джессика Пэндл. А я уже устал от этих театральных сцен отважной красавицы, смилившейся с тем, что ее единственная задача в жизни – доставлять окружающим радость своей несчастной долей. Подумайте, как вы оскорбляете таким отношением всех, кто ценит вас такой, какая вы есть, без всякого принижения.

– Я хромаю, и мне известно мое положение в связи с этим, – вспыхнула она под его скептическим взглядом, навернувшиеся слезы едва не подмочили ее репутацию.

– Хромота ваша практически незаметна. И это все, что вам надлежит знать, – возразил он. – Вы еще счастливо отделались, пролежав почти сутки с переломом под проливным дождем. Могли ведь умереть или действительно остаться калекой на всю жизнь, – высказался Джек так пылко, что приунывшие было лошадки мигом пустились вскачь, услышав его голос.

– Никогда не отрицала своей вины в случившемся. – И она досадливо поморщилась от своего смиренного тона.

– Да, это так, вы не смели брать без спросу этого коня и мчаться на нем в самый дождь. Бедное животное! Вы были тогда вспыльчивы и своевольны, но никто из нас и подумать не мог, что вы так беззащитно подвергнете риску и себя, и несчастного скакуна. Глупо с нашей стороны так недооценить ваши замашки – ясно же было, что вы за сорванец. Вы мечтали доказать всему миру, что ничуть не уступаете вашим братьям. И мы, Сиборны, и ваша нежная семейка – все несказанно обрадовались уже и тому, что вы остались живы. Неужели вам мало этого чуда – выжить в подобной переделке и остаться практически невредимой?

– Я и понятия не имела о ваших переживаниях. Значит, вы знали, что в тот день я не вернулась с прогулки, – робко встала она.

– Я в курсе всех ваших вольностей, Принцесса, – терпеливо пояснил он, словно его так и подмывало схватить ее за плечи и потрясти как следует, чтобы привести в чувство. – Бывало, я места себе не находил, когда вы срывались искать приключения, боялся за вас. А тогда мы искали вас всю ночь и все утро.

Никогда не забуду, каково это – тщетно искать в потемках пропавшее дитя. Мы с Ричем облазили все холмы в округе, так что я теперь могу хоть с завязанными глазами водить экскурсии по окрестностям Уинберри-Холл.

– Я ничего не знала об этом. Я сильно простыла под холодным дождем, а когда пришла в себя после лихорадки, вы с кузеном уже отбыли, я подумала, вы покинули Уинберри-Холл, прежде чем тем вечером хватились меня.

– Разумеется, мы не покинули вашего отчаявшегося отца, да и братья ваши были не в лучшем состоянии. Хорошо, мой дядюшка Генри сумел организовать людей, чтобы прочесать местность, иначе наша помощь могла бы опоздать.

– А почему мне ничего не рассказывали об этом? – тихо спросила она.

– Врач приказал не тревожить вас воспоминаниями о жестокой переделке, у вас открылась горячка, и нужен был покой, физический и душевный, чтобы справиться с опасной болезнью. Когда стало очевидно, что вы поправляетесь, мы отбыли, уверившись, что вскоре неугомонная озорница, нагнавшая на всех страху, снова будет на коне. Однако вы так и не обрели былую удаль, правда, Принцесса?

На сей раз она не стала препираться насчет обидного прозвища, поскольку все это время пыталась встроить открывшиеся ей обстоятельства в известную цепь событий.

– Нет, – призналась она после продолжительного молчания.

– И почему же? – спросил он, словно и в самом деле его интересовал ее ответ. – И я, и Рич всегда считали вас самой отважной из женщин, и вот, пожалуйста, записная святоша.

Как объяснить, что дух ее угас вместе с радужными надеждами на будущее, когда стало ясно, что теперь она физически ограничена, не в пример ему? Как держать себя с ним, если он решит, что она влюблена в него – или еще что-то вообразит? Пора изобрести приемлемое объяснение, отчего вдруг она потеряла интерес к столь любимым раньше развлечениям: долгим верховым прогулкам по окрестностям Нортгемптона, беготне наперегонки, лазанию по деревьям в отцовском и соседских поместьях.

– Поняла, что надо блюсти свое достоинство, – выдала она, поведя плечами.

– Это отступничество. Хуже того, предательство в бою, – вынес он приговор.

– Что вы здесь расселись читать мне лекции о том, что такое трусость, если сами не имеете о том понятия? – не осталась она в долгу. – Вам никогда не приходилось сомневаться в своих ногах. Как вы можете знать, если и представить не можете, что я чувствую, когда на глазах у публики приходится хромать в обход танцевального круга к местам для компаньонов и затем сидеть на скамье весь вечер, потому что всем известно: я не могу танцевать. Вам никогда не хихикали прямо в лицо, вы не слышали шепотков этих бриллиантов чистой воды, а уж им не совестно высказываться так, словно меня там нет или я не только охромела, но и оглохла. Иные джентльмены не стесняются подойти и осведомиться у моей матери, не желаю ли я чаю или лимонада, словно я не в состоянии ответить сама за себя.

– Насколько помню, вы всегда могли привести их в чувство. На приемах умели собрать вокруг себя толпу изысканных девиц и рьяных юнцов с горящими глазами, так что мне и Ричу трудно было пробиться в ваш круг.

– То есть мне нечего изображать мученицу и жалеть себя, так, по-вашему?

– Я лишь сказал, что вокруг вас всегда были избранные друзья, поскольку вы похвально осмотрительны, чтобы завести любовников.

– Да, истинные друзья всегда ценили меня за то, что я не разбрасываюсь, – чопорно подтвердила Джессика.

– Да полно вам притворяться. Понятно, что среди тех юнцов не было ни одного, кто подходил бы вам в мужья или любовники. Однако и зрелые умные мужчины при всем желании не смогли добиться вашего расположения, милая Принцесса. Вы сурово предпочитали держать их на расстоянии, не так ли?

– Всякая разумная женщина не поощряет волокит, – колко отозвалась она, хотя понимала, что он прав – все дело в ней.

– Да, всякая уверенная в своей красоте и остроумии, видящая их насквозь и способная принять их и одержать победу в жизни женщина поступит именно так, Принцесса. Однако надменная гусыня, избалованная девица просто побоится рисковать в этой игре, если ей заранее не обещана награда.

– Оригинальный у вас взгляд на мою позицию в жизни, ваша светлость, – произнесла она ледяным тоном.

– Чувствую, вам до смерти хочется надрать мне уши. – Он криво усмехнулся, будто надеялся, что она снова станет той восхитительно отчаянной Джесс и осуществит его желание.

– Не соблазняйте. Даже вам не под силу рассердить меня так без риска перевернуться, после чего останется лишь с вами на пару захромать на обе ноги, – поддразнила она.

Других слов для выражения охватившей ее ярости подобрать не удалось. Его высокомерно проницательный взгляд и явная тоска обезоруживали, что оставалось разве что завить или нервно рассмеяться.

– Ах, Принцесса, что же нам с вами делать? – устало покачал он своей прекрасно вылепленной головой.

– Отвезите меня домой и прекратите обзывать, – так же устало ответила она.

Время медленно тянулось, похоже, их разговор зашел в тупик. Джек заложил широкий круг по дороге вокруг деревенской лужайки, чтобы развернуть свой прогулочный экипаж в сторону Лондона, его как-то не тянуло на подвиги лихого наездника. Джессика уже знала: он превосходно справляется с любым делом, если берется за него. Теперь она надеялась, что он не настроился всерьез заняться ею, а просто решил немного развлечься перед таким серьезным делом, как смотрины.

– Видите, какой я послушный герцог, – решил он прервать томительное молчание, затянувшееся на несколько миль.

– Нет, вы хитрый, лживый и опасный, но меня вам ни за что не окрутить, я заранее знаю все ваши штучки, – проворчала она.

– Зато я не боюсь встретить жизнь с открытым забралом и не похож на мороженого судака, – уколол он.

– Конечно, этим летом вы не побоитесь играючи совершить самую большую ошибку своей жизни, – вполголоса пробормотала Джессика в адрес надменного аристократа, который обвиняет ее в бесчувственности, в то время как сам расчетливо готов жениться ради рождения прямых наследников, лишь бы его драгоценный кузен смог вернуться домой. – Как мило, – неискренне похвалила она вслух, но он как-то странно посмотрел на нее. Стало понятно – поковыряв острый слух не подвел его.

– Обещайте, Принцесса, что хотя бы не откажетесь вступить в бой, – примирительно вздохнул он, разрядив затянувшееся – несколько отчужденное – молчание.

– Что за бой?

– Этим летом спускайтесь с вашей неприступной башни из слоновой кости и приезжайте развеяться к нам, грешным и жадным до жизни. Возможно, вас удивит, сколько неожиданностей таит эта жизнь, если не прятаться от нее, а принять с распростертыми объятиями.

– Но вашим ушам может достаться изрядно, – пресекла она его кипучие излияния, опасаясь подвоха: помнится, копченый чугунок повелел называть себя благородным чайником.

– Обещаете? – безжалостно давил он, и она – вот ошибка! – нечаянно посмотрела ему в глаза и успела заметить искреннюю озабоченность в их золотисто-зеленых глубинах, прежде чем он снова устремил взгляд на дорогу.

– Если только вы решительно прекратите обзывать меня Принцессой, – уступила Джесс и подумала, что надо было как следует пнуть себя по больной ноге, прежде чем поспешить согласиться.

– Вы грустите, если я приму ваше условие, – ухмыльнулся он, словно ему только что пришло на ум, как забавно было наблюдать со стороны за их препирательствами во время этой нелепой прогулки.

Едва доехав до деревни, они снова повернули в сторону Лондона.

– Так можно грустить о том, что избавилась от ветрянки, – мрачно ответствовала она.

– Будем считать, что я ничего не говорил, Джесс, оставайтесь при своем, – легко усмехнулся он, потом рассмеялся.

Она прокляла свою доверчивость – с таким же успехом можно битый час препираться с граблями – вот достойный соперник этому зубоскалу.

– Не беспокойтесь, я верна себе. Правда, уже почти не надеюсь увидеть, как вы изменились.

– А с чего бы мне меняться?

– Обычно женитьба очень меняет характер мужчин. – И она ужаснулась тому, как бестактно выдала себя.

– Я упоминал о женитьбе? – спросил он вкрадчиво.

Она невольно вздрогнула, уловив затаенную угрозу в его тоне.

– На мне – никогда, и не тревожьтесь так, я не заблуждаюсь на свой счет, – гордо ответила она, уходя в свою раковину.

– Я никогда не подозревал вас в этом, любезная, – отстраненно произнес он.

Можно было подумать, что они едва познакомились и при этом весьма не понравились друг другу.

– Это весьма мне на руку, поскольку иначе вы возненавидели бы меня как претендентку на ваш герцогский венец, – дерзко добавила она.

– Как знать? – рассеянно произнес он, словно Джессика Пэндл с ее взбалмошными идеями находилась за тридевять земель отсюда и нисколько не занимала теперь его мысли.

– Я знаю, – настаивала она, стремясь разрушить безликую стену молчания. Ей пришлось даже прикусить язык, чтобы не наговорить лишнего, страстно заверяя его, что никогда и не помышляла завладеть его вниманием – ни в коем случае...

– Вы правы, – наконец проронил он в напряженной тишине. – Я в какой-то момент поддался слабости, согласился с директивой бабушки и серьезно нацелился на женитьбу. Как оказалось, очень многие долго ждали такого решения, поскольку я теперь обязан принять у себя целое стадо юных гусынь в сопровождении избранных родственников и подруг, приглашенных тетужкой, – да, такой вот светский прием предстоит мне по возвращении домой.

– То есть вы пригласили семью Пэндл остудить пыл стаи юных претенденток, пока вы будете собираться с мыслями, так? – спросила она беспечно, словно ее нисколько не волновала отведенная ей роль – роль некоего противоядия, способного сразить невестящихся прелестниц наповал.

– То есть – нет, поскольку я приглашаю вас в пенаты, которые мне, верно, дороже всего на свете, в семью, которую я мыслю частью себя самого. Вы нисколько не уступаете в красоте любой гостье, отныне вам надлежит четко запомнить это. Не позволяйте себе сомнений и не

расшаркивайтесь перед ними, знайте, я никогда не поставлю вас на вторые роли, – жестко предупредил он.

– Нет во мне красоты, – возразила она с таким негодованием, словно он позволил себе намекнуть, что она невзрачна, как рисовый пудинг.

– Думайте что хотите, но вы прелестны, милая. – Он улыбнулся с видом знатока, чтобы она наконец почувствовала, что это не комплимент.

– То есть я должна себя чувствовать красавицей, если вы того пожелаете, ваша светлость?

– Если мое повеление способно убедить вас в моей правоте. А теперь будьте любезны убрать это мученическое выражение с вашего лица и приосаньтесь, как и положено истинной светской леди на выданье. Наше общество помнит вас именно такой, Принцесса. Настоятельно рекомендую вам представить, что мы неспешно прогуливаемся по зеленым скверам Мейфэра, а не мчимся по окрестным деревням.

– Да, так лучше, но вы все же ошибаетесь, – выпалила она.

Между тем они уже ехали по знакомым пыльным улицам, и она почувствовала, что Принц рядом с ней снова превратился в циничного и недостижимого герцога Деттингема.

– Нет, и вам это известно, – прошептал он, передавая ей сумочку и веер, когда лакей лорда Пэндла помог ей сойти с довольно высокого сиденья коляски.

– Нет – что? – рассеянно повторила она, поскольку сохранять грациозность, выходя из экипажа – даже не столь высокого, – довольно тяжело, а сегодня ей менее всего хотелось свалиться мешком под ноги его лошадям.

– Ошибки, разумеется.

И он напомнил ей о ее прелести таким томным взглядом, что она едва не поверила ему, но вовремя спохватилась, поскольку перед ней всего лишь закоренелый повеса, привыкший убеждать впечатлительных дам в своем особенном отношении к ним – единственным и неповторимым.

– Ха! Расскажите об этом вашим гостям, когда мы встретимся у вас в доме. Они объявят вас сумасшедшим или же просто сбросят меня в ров с водой у вашего замка.

– У нас нет рва, – возразил он, наблюдая, как она отступает на пешеходную дорожку и ждет подходящего момента, чтобы вежливо распрощаться с ним.

– Они выкопают, постараются ради меня.

– Вот как? Следует мне расценивать это как вызов? – Его озорная улыбка грозила сразить наповал и растопить ее волю прямо посреди улицы.

– Нет! – неожиданно пронзительно вскрикнула она и отступила, словно его пламенный взор мог опалить ее крылья.

– Жаль, – произнес он насмешливо. Он всегда так улыбался ей в детстве, когда собирался улизнуть вместе с Ричем. – А я обожаю сражения. Правда, немного найдется женщин, способных доставить мне удовольствие доказать им их неправоту, разве что вы, Принцесса, частенько балуете меня.

– Тогда считайте меня одной из многих, – отчеканила она и резко отвернулась от этого кривляющегося джентльмена. Пора отпустить ее с миром.

– Я всегда выделю вас из толпы, Принцесса, – нагло уверил он, словно сделал одолжение, затем небрежно отсалютовал хлыстиком и рванул свой экипаж с места, и пыль прощально взметнулась из-под колес.

– Несносный высокомерный идиот, – процедила она сквозь зубы, застыв на месте и неотрывно наблюдая за ним, пока он не скрылся из вида.

– Прошу прощения, леди Джессика? – ровно произнес дворецкий, словно и не слышал их разговора. Он крепко усвоил некий бородатый анекдот о том, что добрый слуга сродни чурбану и заводится каждое утро, как часовой механизм.

– Чаю, пожалуй, Уэллоу, – просияла она. – Очень хочется чаю после всего этого.

– Любой леди захочется, – позволил себе заметить Уэллоу, сопровождая ее в холл.

Две недели спустя Джессика решила, что только чаем горю не поможешь. И отец, и мать в последнюю минуту отказались от своих намерений, и теперь она подъезжает к Новому Эшбертону, чтобы в одиночестве принять ультиматум герцога. Экипаж уже притормаживал перед парадным въездом в усадьбу Джека, а ее одолевало малодушное желание приказать кучеру повернуть обратно, в родной Уинберри-Холл.

Джек не придаст никакого значения их памятным стычкам в Лондоне и, по обыкновению, будет с ней рассеянно обходителен, затем и вовсе забудет о ее присутствии. Так заранее утешала себя Джессика. Ее единственная задача в ближайшие две недели – хромать вокруг его величавых пав и оставаться незаметной, пока он не остановит свой выбор на одной из элитных великосветских красавиц, после чего ей можно отбыть восвояси и заниматься своими делами. Внутренне готовясь играть свою роль как можно лучше, Джессика вглядывалась в знаменитый олений парк Эшбертона. Между тем карета проехала во внушительные ворота. Поворачивать назад теперь поздно.

– Ее милость наказали мне напомнить вам о необходимости быть любезной с герцогом, – строго сказала старая камеристка матери, когда карета замедлила ход.

– Я не настолько придурковата, Марта, чтобы соперничать с его светлостью, когда он развлекает гостей.

– Ваша мать не желала вам обид, мисс Джессика, – разоткровенничалась Марта.

Почему, интересно, леди Пэндл так настаивала, чтобы Джессика приняла это приглашение, а сама не поехала с ней? Уж ей-то известно, что приглашенные красавицы давно отточили коготки для предстоящей драки за земляничный венец Джека.

– Положись на себя, все будет хорошо, милая. Муж Ровены паникует, – сказала матушка, когда запыхавшийся грум вручил ей письмо в последнюю минуту перед отъездом. – Ровене здоровья не занимать, и зря сэр Линсток суетится, словно она вот-вот выкинет. Наша девочка никогда не была сильна в арифметике и, вероятно, неверно записала дату последних регулов. Помнишь, когда мы в прошлый раз были у них, я отметила, что живот у нее слишком большой для такого срока? Ни от Линстока, ни от твоего папы никакого толку, придется самой убедиться, что у нее все в порядке. Так что поеду помогу бедняжке благополучно разрешиться, беспокоиться о мужчинах и матери с ребенком нечего.

Леди Пэндл примолкла – до чего же бестолковы джентльмены, когда дело доходит до родов, затем тяжело вздохнула и покачала головой.

– Тебе, милая, надо взять с собой Марту, а леди Мелисса составит компанию в Эшбертоне. Крестная нуждается в твоей помощи. Нелегко ей придется, когда в дом нагрянет столько юных ветрениц, – напутствовала мать.

Леди Пэндл вполне понимала участь леди Мелисса. Той предстоит разводить по углам непримиримых соперниц, готовых выцарапать друг другу глаза в бою за титул герцогини. И Джесс никак нельзя было отказаться поехать туда в сопровождении строгой Марты – крестная сама всегда спешила ей на помощь в трудную минуту.

– На сегодняшний день его светлость и я – просто знакомые, Марта, я здесь только затем, чтобы помочь крестной, – пояснила Джессика. – Мне некогда будет элегантно прохлаждаться на диванах, так что вам ни к чему наряжать меня, как переспевшую инжению. Предлагаю вам самой воспользоваться случаем и отдохнуть в комфорте Эшбертона, пусть это будет своего рода вашим двухнедельным отпуском.

– И не подумаю, мисс Джессика. Леди Мелисса и ваша матушка никогда не позволят вам одеться не так элегантно, как другие гости, если даже некто благосклонно настроился позволить вам сделать из себя посмешище, – отвергла Марта абсурдную, с ее точки зрения, идею.

– Мне уже двадцать с хвостиком, пора на покой, куда мне тягаться с невестами семнадцати – восемнадцати лет, – беспечно возразила Джессика, стараясь придать голосу непреклонность.

Она вспомнила себя юной, безыскусной и потрясенной. В семнадцать у нее еще были девичьи мечты, даже если бы она наложила печать на свое сердце, равнодушное к Джеку. Но она довольно быстро вылезла из этих грез, нечаянно подслушав, как красивый, но бедный лейтенант, который еще вчера клялся в том, что она – единственный луч света в его жизни, откровенничал со своим братом, сельским викарием: дескать, ее небольшое приданое все же позволит ему приобрести патент на офицерский чин. Его жестокие слова до сих пор звенели у нее в ушах...

– Если бы не ее деньги, я и не посмотрел бы на невзрачную калекку, поверь, брат мой Хьюберт. Если бы не моя крайняя нужда, я уступил бы эту святошу тебе в жены. По крайней мере, за этой мисс Попрыгуньей никогда не будут волочиться местные сквайры, а дворянские сынки не посмеют строить ей глазки. Не хочу сказать, что она с готовностью уступит им, но ведь она просто не сумеет убежать, правда? – И Джулиус Свейбон весело заржал. И как это она до сих пор не замечала, насколько неприятен его смех.

Преподобный Свейбон оказался более добропорядочным, нежели его брат, и возмутился столь вольными предположениями о девушке, на которой этот мужчина жаждал жениться.

– Не ищи дурнее себя, – сердито ответил бывалый лейтенант. – Она и не посмотрела бы в мою сторону, будь у нее лучший выбор. Девчонка прекрасно знает о своем изъяне, так что с благодарностью примет мое предложение, иначе ей до скончания века сидеть на шее у своей родни.

– Ты вроде сказал, у нее есть собственные средства, – напомнил ее верный защитник, преподобный Свейбон.

Да, если бы она была способна влюбиться из благодарности, то отдала бы свое сердце именно этому брату. Эта мысль пришла ей на ум только сейчас.

Она не была влюблена и в Джулиуса, ей просто льстили его экстравагантные комплименты и напористое ухаживание. Но, услышав, как он рассуждает о ней, словно о породистой лошади, чей изъян дает ему возможность купить ее, поняла, что он за чучело. В свои шестнадцать она жаждала любви, страсти и новой жизни и особенно ценила свои чувства к Джеку, одновременно понимая, что несчастной девушке опасно связывать себя любовью к нему. Теперь он на семь лет циничнее, опытнее, опаснее и привлекательнее. Так шептал ей внутренний голос, но она не прислушивалась.

– Леди Мелиссу не оспоришь, – сказала Марта, когда они выехали из-под сени почтенных дубов и поместье Эшбертон открылось им во всей своей красе.

Вид величественной усадьбы отвлек Джессику от размышлений о замыслах своей крестной, и она решила сделать вид, что пропустила мимо ушей это примечательное откровение. Даже Сиборны, привыкшие восхищаться каждым камешком в своем поместье, признавали, что Эшбертон смахивает на кроличий лабиринт. Башенки и купола на основательной крыше возвышались над сводами, уходившими в подземелье, и перемежались затейливыми шпилями и бельведерами в излюбленном стиле Тюдоров. Правда, фасад главного здания победно сиял рядами невероятно модных эркерных окон. Более поздние пристройки, выложенные из соответствующего кирпича или песчаника, дополняли общее впечатление от Эшбертона – просторного и гостеприимного гнезда английского герцога.

Глава 3

Можно вообразить, как затрепещет сердце любой юной леди при мысли о том, что ей, возможно, предстоит стать хозяйкой всего этого богатства. Да, Джессике теперь никак не забыть о цели столь высокого собрания. Если среди слетевшихся красавиц найдется девушка с умом и характером – отлично, однако большинство светских прелестниц готово душу продать за такого выгодного жениха, как Джек, поэтому маловероятно, чтобы такая девушка смогла пробиться сквозь жадную толпу, даже если бы и захотела. Она вздрогнула, представив себе муки предстоящих двух недель, и еще раз горько пожалела, что не осталась в Уинберри-Холл.

– Негодяй, – мрачно пробормотала она вполголоса.

– Что такое? – вскрикнула Марта. Она всегда повышала голос, если плохо слышала сказанное, тем самым пытаясь убедить себя и всех остальных, что нисколько не оглохла.

– Это вас не касается, – дерзко ответила Джессика, дожидаясь, пока выдвинут ступеньку.

Ей не очень-то хотелось покидать тесную карету, где она так долго просидела с нянькой, знавшей ее с самого рождения – все эти двадцать три года.

– Дурные манеры заведут тебя в тупик, девочка, – язвительно отозвалась Марта на правах старшей и уважаемой служанки семейства.

Предупредительный лакей, заглянувший было внутрь кареты, проворно отскочил и бесстрастно подставил свою надежную руку пошатнувшейся леди.

– Что бы вы понимали, – грубила Джессика старой няньке своей матери, стараясь утвердиться на кружившейся под ее занемевшими ногами земле Сиборнов.

– Не понимаю, что вы хотите сказать, мисс Пэндл, – ответила Марта с величавым достоинством.

– Разумеется, не понимаете, – ответила Джессика и улыбнулась то ли сердито, то ли признательно. Затем она как следует встряхнула помявшиеся юбки, заодно разминая затекшие мышцы поврежденной голени. Этому научил ее в детстве старший конюх, когда она впервые упала с лошади.

Пусть ей придется простоять здесь столбом, позабытой всеми, но она даже не качнется навстречу легкой поступи чьих-то шагов, не уронит своего достоинства, завоеванного с таким трудом. Достаточно представить себе лицо Джека Сиборна, когда ему расскажут, как она ковыляла, пошатываясь, точно пьянчужка, и ноги просто отказались повиноваться ей. Она приказала себе забыть о нем и расслабилась, поджидая, пока ее страх пасть ниц перед элегантными сапогами негодяя растает без следа.

– Ах, наконец-то ты приехала, любовь моя! – воскликнула леди Мелисса, сбегая по лестнице ей навстречу. – Я так рада, что ты здесь, милая Джессика, хотя придется управляться нам с тобой без мамы, но радостная весть о неожиданном появлении на свет твоего очередного племянника вполне извиняет заботливую бабушку. Юный господин Тримейн сейчас нуждается в ее внимании. О, так ты еще не знаешь, что твоя сестра благополучно разрешилась крепеньким мальчиком? – спросила леди Мелисса, возбужденно тараторя.

– Нет, мы как раз собирались выезжать к вам, но маме вместо этого пришлось поспешить в имение Дассингтон. Папа настоял, чтобы я отправлялась в подготовленном экипаже одна, а он решил ехать в Дассингтон в легкой коляске. Ах, какие они счастливы, Ровена и сэр Линсток! Милая Рой – просто молодчина: нисколько не замешкалась и спокойно родила, – обрадовалась Джессика. Теперь не надо беспокоиться за сестру.

– Твои родители так жаждали поскорее передать тебе новости, что грум сэра Линстока второпях пустился сюда напрямик и прозевал вас на дороге. А я уж опасалась, что никто из вас не приедет, сидела как на иголках и ожидала, что вот-вот придет отказ и от тебя.

– Я не могла огорчить вас отказом по такому случаю, и Ровена первая согласилась бы с этим. Полагаю, она рада, что я не присоединилась к многочисленной нашей родне, которая теперь суется в Дассингтоне вместе с сэром Линстоком.

– Уверена, твоя сестра предпочла бы твою помощь их суете, если бы могла решать, ведь мы всегда понимали друг друга с полуслова, – заметила леди Мелисса.

– Верно, в мое отсутствие сэр Линсток не позволит доброхотам утомлять ее, – улыбнулась Джессика.

Она искренне радовалась за счастливое замужество сестры, несмотря на то что в их компании теперь чувствовала себя обреченной старой девой.

– Я понимаю, тебе нелегко далось решение не откладывать эту поездку, так что подойди и обнимись, к черту все церемонии, – приказала леди Мелисса и сердечно, от всей души стиснула Джессику. В ее объятиях было тепло и душисто.

– Я не могла не приехать, моя любимая, милая крестная. Вы мне как родная, а мы видимся реже, чем хотелось бы.

– За это признание обниму тебя еще разок, Принцесса Джессика.

– Жаль, что Джек выдумал мне это прозвище после того несчастья, помните, когда вы поселили меня в апартаментах королевы! Я только потом догадалась, что вы не хотели, чтобы я скакала по лестнице со своей измученной процедурами ногой.

– Странно, что моя любезная дочь не объяснилась с тобой вовремя, но она, похоже, возревновала, ведь тебе разрешили спать в тех покоях, а ей велели не совать туда даже носа, уж очень она проказлива.

– Верно, вы так грозны, что она не осмелилась ослушаться, – лукаво улыбнулась Джессика.

– Скорее всего, дело в том, что ей очень хотелось заполучить от Джека пони в подарок на день рождения, и она боялась прекословить, когда он велел отвести тебе нижние апартаменты. Она понимала, не только пони, но даже подковы от него ей не видать, если она не будет держать язык за зубами.

Прежде Джессика была уверена, что Джек недолюбливает ее, и теперь терялась в догадках, узнав подоплеку давних событий. Она поймала себя на том, что слишком много думает о нем, и рассердилась. Ей захотелось расспросить леди Мелиссу о детях, но внезапно что-то кольнуло ее сердце – верный признак того, что Джек совсем рядом.

На самом вершине бесконечно длинной – до головокружения – лестницы стоял он в непригнутой позе, под свободной одеждой угадывались налитые мускулы. Джек выглядел возмужавшим и повзрослевшим – не чета тому волчонку, каким она некогда видела его в этом логове, а за неполные две недели после их последней встречи он, казалось, набрался сил и раздался в плечах, и ей – ничтоже сумняшеся – захотелось трусливо забиться в свою карету и умчаться домой.

«Никому нет дела до твоих переживаний, – напомнила она себе. – Он принимает гостей, желает подобрать себе жену, и многим женщинам нравятся длинные темные кудри и пиджаки свободного кроя – особенно на нем, а в городе юные девы стаями ходят за ним по пятам». Неплохо уже то, что он следует моде, заведенной лондонским денди Браммелом⁷, и тщательно блюдет чистоту везде и всегда, этого у него не отнимешь. Она критическим взглядом окинула его хмурое, спокойное лицо и вздрогнула от нехороших предчувствий. К ее прежним переживаниям теперь добавилась новая причина для смущения. Оказалось, ей трудно выдержать пронизывающий взгляд его золотисто-зеленых глаз, с интересом воззрившихся на нее.

Ее словно окатило теплой волной, и она мучительно покраснела, припомнив их совместную прогулку и свое жаркое волнение в тот день, однако она заставила себя отвлечься от вос-

⁷ Браммел Джордж Брайан – английский денди, законодатель моды в эпоху Регентства.

поминаний, чтобы он не заподозрил ее в вольнодумстве. К дьяволу этого мужчину, тем не менее почему-то он походя тревожит ее чувства? Ясно, она – невзрачна, перестарок, а в округе полно красавиц, вздыхающих о его мужском очаровании и легендарной силе, они не стыдятся манить его зазывными взглядами.

– А, вы уже тут как тут, любезнейший, – сказала крестная, заметив, что Джессика напряглась, и обернулась, чтобы лицезреть причину ее смущения. – Хьюз сказал, что вы ушли на ферму вместе с Гивиджем осматривать загоны для быков. – Она тепло улыбнулась племяннику.

Джессика никогда бы не посмела копировать ее, даже если бы захотела.

– Мы увидели, как через Южные ворота въехала карета. И я поспешил в дом засвидетельствовать свое почтение нашей уважаемой гостье, мисс Пэндл. Неужели вы неправильно воспитали меня, тетя Мэл? – съехидничал он. – Как я понял, лорд и леди Пэндл бросились привечать своего нового внука и возложили на вас почетные семейные обязанности, так, мисс Пэндл?

– Похоже, все, кроме меня, давно в курсе дел моей сестры и ее младенца, ваша светлость, – церемонно ответствовала Джессика и снова почувствовала дрожь в коленках.

Жаль, она не в силах держаться с ним так же естественно, как с другими джентльменами, которые нисколько не волновали ее сердце.

– Курьер прибыл еще утром, – сказал он тоном, каким успокаивают разгоряченную лошадь. – Мы надеялись, ваша матушка все же сможет приехать вслед за вами, но она передала, что должна остаться в Дассингтоне. Иначе бедняжка Ровена с ума сойдет от забот своего муженька и иных доброхотов, – продолжил он, спускаясь по лестнице так легко и стремительно, что Джессика насупилась, но спохватилась и потерла рукой лоб, чтобы не выдать своего настроения.

– Добрый день... Марта, если не ошибаюсь? – И он уважительно склонил голову.

Марта покраснела от удовольствия и сразу помолодела лет этак на десять.

– Если бы мы заранее знали, что вы приставлены к мисс Пэндл, моя тетя беспокоилась бы гораздо меньше.

– Благодарствую, ваша светлость, вы весьма любезны. Мы уверены, мисс Джессике не о чем беспокоиться под крышей вашего дома, – ответила Марта и склонилась в глубоком реверансе, словно перед нею был сам король.

– А вот и вверенная нам мисс Джессика. Да, так точно, в полном порядке, – велеречиво рапортовал он и сошел, наконец, с последней ступеньки, встав вровень с нею. – Добро пожаловать, кузина.

– Мы отнюдь не состоим в родственных отношениях, ваша светлость. – Она перехватила настороженный взгляд Марты, услышала разочарованный вздох леди Мелиссы, но Джек остался внешне невозмутимым.

– Как непростительно поспешно я подставился, мисс Пэндл, – не остался он в долгу.

– Сами подумайте, ваша светлость, какая была бы честь для меня.

«Осталось только покраснеть», – иронично подумала она под его сардоническим взглядом.

– Смею заметить, вся честь досталась бы мне в таком случае, – произнес он так льстиво, что наблюдатель мог принять его слова за комплимент.

– Несомненно, весьма лестно для вас, – парировала она.

Взгляд его стал еще пронзительнее, и юная леди напустила на себя презрительный вид, изо всех сил стараясь не попасть под его обаяние. Она напомнила себе, что отважные предки баронов Пэндл завоевали свой титул еще в Крестовых походах, в то время как Сиборны⁸ всегда были важными пиратами.

⁸ Сиборн (от *англ.* Seaborne) дословно – «мореход, несущийся по волнам».

«Что толку в родословной, – злилась она, – если мне суждено одиночество старой девы». И она снова приложила все силы, чтобы игнорировать свое малодушие, и занялась тем, что стала представлять, как его предки – свирепые флибустьеры – предъявляют свой счет безжалостному сюзерену – ее далекому прадеду.

Насколько ей известно, тот бой обещал быть таким жестоким, что вассалам пришлось бы надолго раскинуть свои шатры для осады, поэтому ночью накануне битвы их предводители согласились на почетный компромисс и скрепили свой злодейский союз рукопожатием. Она представила рыцарей, вооруженных мечами и копьями, и морских волков с трезубцами и бордажными крючьями. Противники спят, надеясь на свое оружие и на плутоватых соратников, в то время как их военачальники бурно выясняют отношения. Эта сцена показалась ей настолько забавной, что она прыснула со смеху, но тут же опомнилась и постаралась сделать вид, что просто чихнула.

– Весенняя простуда, – пояснила она, когда он удивленно приподнял бровь.

– В этом году она несколько запоздала, не так ли?

– Возможно, это первый привет золотой осени, – произнесла она затертую фразу.

– Мы будем счастливы дожидаться, – вежливо отозвался он, но девушка почувствовала, что чем-то расстроила его.

– Что-то плохо мы встречаем наших гостей! – воскликнула крестная. – Стоите здесь на ветру, милые, а небо между тем хмурится, того и гляди, польет дождь, даром что лето. Подойдите, Хьюз, – она обернулась к дворецкому, который замешкался на верхней ступеньке, – распорядитесь занести багаж мисс Джессики в дом и проводите ее няню в апартаменты королевы, ей надо заняться распаковкой вещей. Мы попьем чаю в Голубой гостиной, как только мисс Пэндел снимет дорожный плащ и шляпу.

– Тетушка, как всегда, права, – заметил герцог, задумчиво глядя на Джесс, ему на ум пришло нечто более важное, чем погода.

Не успела Джессика открыть рот, как он уже подхватил ее на руки и взбежал по лестнице так легко, словно нес перышко. От потрясения у нее перехватило дыхание, и она едва не залилась краской от неведомого доселе ощущения его объятий – теплых и сильных. Неужели все теперь подвластно ей или... Или это всего лишь ее воображение.

– Отпустите меня, – потребовала она.

– Вы споткнетесь, если я выпущу вас, – холодно заметил он.

– Значит, буду спотыкаться, – равнодушно отвечала она.

– Только не на ступеньках моей лестницы, – примирительно сказал он.

– Согласна, это и в самом деле ужасно неловко, но мы уже наверху. Извольте поставить меня на ноги!

– А волшебное слово?

– Чего вы пристаёте ко мне? – по-ребячески надулась она и почувствовала, как рухнет высокий пьедестал, возведенный ее претенциозной надменностью.

– Будем вежливы друг с другом – на сей случай, Ежик, – уколол он, припомнив еще одно детское прозвище крестницы своей тетушки.

– Полагаете, здесь удобно расшаркиваться? – выпалила она и рассердилась на себя – зачем так резко.

– Нет, – уступил он капризному ребенку и покачал ее на руках, словно взвешивая свои обязанности гостеприимного хозяина, которому не пристало бросать начатое дело на полпути.

Джессике внезапно пришло на ум, что она слишком разнежилась в его могучих объятиях. Это мимолетное удовольствие может дорого обойтись ей в дальнейшем.

– Пожалуйста, поставьте меня теперь на ноги, – запросила она пощады, когда они, наконец, переступили порог семейной Голубой гостиной, и он взглядом поискал наилучшее место, чтобы усадить неловкую особу, ведь он сам буквально сбил ее с ног.

– Ваше желание – приказ для меня, мисс Пэндл, – сказал он и опустил ее на софу; затем поклонился преувеличенно церемонно, явно стараясь разрядить некое напряжение, возникшее между ними.

– Ха! Свежо предание, – весело сказала она и по его глазам поняла, что ему полегчало на сердце.

– Верно, хотя до сих пор ваши разумные желания не выходили за пределы моего терпения, – ухмыльнулся он, и она постаралась не рассмеяться в ответ. – Он повернулся к вошедшей следом тетушке: – Простите, что оставил вас, милая тетя, но я полагал, вам станет легче, если ваша любимая крестница быстрее окажется в тиши гостиной, и вы можете потчевать ее вашим вниманием, пока она отдыхает с дороги.

– Подожду, пока Джессика снимет шляпку и жакет, и сразу приступлю, – выбрала его тетя.

Она-то знает, что ей делать, когда Джессика стягивает с себя жакет. Но если бы гостья не поспешила проявить самостоятельность, Джек мог бы сам успеть помочь ей и тем самым преодолеть дистанцию в их отношениях.

– Джек, отнесите это в холл и передайте няне Джессики. Как только та обустроится, пусть разберется с дорожной одеждой, – скомандовала леди Мелисса.

Джессика едва не рассмеялась, наблюдая, как его светлость герцог Деттингем покорно исполняет роль камеристки.

Она представила, что он и вправду исполняет обязанности приближенной прислуги: помогает ей снять измятое, запыленное дорожное платье, затем нижнее белье... Эта мысль поразила ее, как гром среди ясного неба, так что все желание смеяться тут же пропало.

Джек остановился в просторном вестибюле, который помнил еще его предков, и спросил себя, не грозят ли небеса поразить его голову в ближайшем будущем. Проклятье, ему пора нанести визит своей любовнице: эта костлявая упряmica – трогательная малютка Джессика Пэндл, очутившаяся в его объятиях, грозит зажечь его страстью, хотя он не старый развратный сатир! Он поймал себя на том, что с наслаждением вдыхает нежный запах ее шерстяного жакета. Интересно, это розовая вода или некая более замысловатая композиция, призванная неизменно информировать его шестое чувство о ее близости? Тем лучше, он всегда сумеет вовремя улизнуть, а сейчас ни к чему тратить время на препирательства с невообразимо колючей и несносной гостьей. Но Джек и сам уже догадывался, что ему – в силу неких таинственных причин – всегда приятно видеть ее, однако он не стал утруждать себя разгадкой этой тайны.

Он осторожно, словно опасаясь уколоться, положил ее простенький жакет и строгую шляпку на резное кресло эпохи короля Карла и постарался успокоить смятенные чувства. Ему еще предстоит вернуться в семейную гостиную и исполнять роль радушного хозяина. «Пожалуй, не стоит обращать внимания на свое непотребное желание и вносить дополнительную сумятицу в наши отношения, ведь ясно, что уважающему себя джентльмену не пристало обольщать такую леди, как Джессика», – приструнил он себя. К счастью, он вовремя повернул к Голубой гостиной. Дворецкий и масса лакеев, скользивших следом по мраморному вестибюлю с подносами обильного – на целую армию – угощения к чаю, не успели его увидеть. Герцог, словно опьяненный любовник, продолжал безмолвно пялиться на детали дорожного костюма Джессики.

– Ну вот, вы все, как всегда, вовремя, – нисколько не удивившись, даже с некоторым облегчением, приветствовал он своих младших двоюродных сестер, которые уже шумно мчались вниз по лестнице, пронюхав, что предстоит пир.

– Положим, не все, – напыщенно произнесла самая старшая.

Он строго взглянул на мисс Персефону Сиборн.

– Перси, не поминай на этой треклятой вечеринке пропавшего Ричарда, ты не желаешь попусту расстраивать матушку, ведь так, милая? – сказал он серьезно, вглядываясь в ее старательно честные зеленые русалочьи глаза.

– Разумеется, нет, – произнесла она так, словно тот был некоей бестией, о которой и думать совестно.

– Обещаешь? – спросил он, зная ее своевольную манеру превращаться в разобиженного ангела.

Персефона громко вздохнула, страдальчески сморщила нос и затем кивнула.

– А вслух? – льстиво подостлал он соломки, слишком хорошо зная ее изворотливость, чтобы оставить ей шанс вильнуть хвостом.

– Обещаю не препятствовать благородной задаче сбить вас с рук на руки некоей наивной особе, которую можно убедить повенчаться с вами, несмотря на ваши многочисленные и разные прегрешения, – развязно заметила она.

– Пока вы в доме на пару с мисс Пэндл, у меня мало шансов, от вас одних голова кругом пойдет, так что амбициозные мамы зря будут лебезить. Их дочкам ни к чему из кожи вон лезть ради моего титула. – Он нарочито кисло покривился и застонал про себя, заметив авантюрный блеск ее глаз.

Этой юной ведьме стоит только заподозрить, что он заново открыл для себя Джесс, пока нес ее на руках, и ему ни за что не удастся непринужденно разделаться с этими смотринами. Да, ей взбредет в голову подобрать ему жену по своему вкусу. Но если они начали самозабвенно пикироваться уже с первых минут встречи, трудно представить, что Джессика Пэндл станет для него удобной партией, хуже вряд ли найдешь. Надо же, какая сумасбродная затея – женить его и тем самым заставить замолчать сплетников!

– Не забудьте, слишком многое зависит от успеха этого предприятия, Перси, – серьезно предупредил он.

– Вы думаете, это поможет? – озабоченно спросила она.

Он до сих пор сильно сомневался, стоило ли жертвовать собой ради счастья всех остальных, но нет нужды притворяться перед кузиной в главном. Ясно, что цель всей этой кутерьмы – вернуть Ричарда в отчий дом. Он понимал: бабушка, кроме того, жаждет обрести правнука – прямого наследника герцогской короны, но сам он, просматривая список приглашенных, быстро растерял былой энтузиазм.

– Как только Рич узнает, что уже почти не рискует унаследовать мой титул и все, что к нему прилагается, он наверняка сразу же вернется, – немного замаявшись, сказал Джек. Будь проклят этот кузен, о котором ни слуху ни духу вот уже почти три года. Своим бегством он вынудил их пойти на эти муки.

– А что, если он исчез не по собственной воле, Джек?

– Вот мы это и выясним, так или иначе, – мрачно произнес он.

– А вы сунете свою невинную голову в петлю из-за моего беспечного братца. Джек, не принимайте близко к сердцу эти глупые слухи, их распускают злонамеренно. Жаль, слабому полу не принято посылать вызов. Порой меня так и тянет вызвать на дуэль парочку тех гадов, что безнаказанно жалят вас и Рича своими языками. Смею заверить, если вы предложите свою руку одной из их отродья – остальные немедленно постараются откусить ее, не убоятся обвинять вас в ужасных преступлениях своими смиренными намеками.

– Что ж, милая, таков наш мир, а мне все равно рано или поздно придется жениться. Мне уже двадцать семь, вскоре и вовсе прослышу старым холостяком, если не исправлюсь, – пошутил он, тая печальный вздох. Ему-то прекрасно известно, что одинокий герцог, да еще при деньгах, – завидный приз на брачном рынке, при этом не важно, что он – дряхлый, ослепший старик, да к тому же убийца.

– Скорее луна посинеет, – усомнилась Персефона.

К счастью, она не стала далее выпрашивать о его скоропалительном желании жениться и поспешила в шумную гостиную, за веселой болтовней они оба могли на время забыть о Ричарде Сиборне, которого вот уже три года где-то носит – или носило.

– Ну что, оголодавшая братия, надеюсь, вы оставили нам кусочек пирожного? – спросила Персефона у младших, едва войдя в залу.

Джек, входя следом за бойкой кузиной, заметил, как Джессика радушно и очаровательно улыбнулась ей, и невольно поразился: куда подевалась ее каменная холодность? Персефона тут же ринулась к своей закадычной подруге, они обнялись и заворковали, словно сто лет не виделись. Джек почувствовал себя неуютно. Странно, ему бы только радоваться, что едкая парочка упрямых ослиц оставила его в покое, но это почему-то раздражало. Он постарался отвлечься за изобильным столом, однако сладкое растаяло гораздо быстрее, чем его горькие мысли, и многострадальная гувернантка увела детей в классную комнату.

– А когда ожидается прибытие остальных гостей, ваша светлость? – живо поинтересовалась Джессика.

– Завтра, – угрюмо откликнулся Джек.

– Да, похоже, крестная не угадала, погода налаживается, и с этой стороны их путешествию ничто не помешает, – сказала она, словно радуясь этому обстоятельству.

Проклятый Рич! Тетя Мелисса вздрагивает теперь от каждой тучки и ходит с убитым видом, словно извелась от дурных предчувствий. Дождаться бы, когда этот пират заявится домой, и душу вытрясти из беспечного негодая, лишь бы только он остался цел и невредим.

– Великолепно, – неискренне поддакнул он. – Развлекать гостей гораздо приятнее, когда не дует и не льет. Мы и так уже достаточно натерпелись от погоды этим летом, – добавил он брюзгливым тоном, словно заправский сквайр, озабоченный видами на урожай, которому недосуг выбирать себе жену в самую страду – едва разделались с сенокосом, а жатва уже на носу.

– И чем же вы намереваетесь в таком случае занять всех гостей? – спросила Джессика, и тетюшка громко выдала такой список дел, что их хватило бы для целого пансиона благовоспитанных девиц до конца лета, поскольку в две недели они вряд ли уложились бы.

Джек поспешил воспользоваться последним шансом манкировать своими обязанностями накануне грандиозного светского приема и оставил их наедине обсуждать дальнейшие детали комфортного размещения всех красавиц и их компаньенок. Он приказал оседлать своего нового скакуна и через полчаса уже мчался на нем по холмам Эшбертона, пытаясь убедить себя, что вполне доволен жизнью, а Джессика Пэндл занимает его теперь не больше, чем любая из тех дев, что обещали прибыть в его поместье завтра.

– Джек, как всегда, уваливает от домашних обязанностей при первой возможности, – надулась Персефона, когда матушка позволила себе отпустить его грехи извиняющим «мальчишки – до старости мальчишки».

– Он вполне понимает, что со мной ни к чему блюсти церемонии, – заметила Джессика, соглашаясь.

– Ты защищаешь его, но я видела, как вы полминуты переглядывались так, словно мечтали ножи вонзить друг в друга, я права? – спросила Персефона.

– Мы привыкли срывать зло друг на друге, – не стала отпираться Джессика. – Наверное, мне не стоило приезжать, поскольку его светлости предстоит показать себя с наилучшей стороны в течение ближайших двух недель, если он вознамерился подыскать себе сговорчивую невесту.

– А по мне, как раз наоборот, пусть лучше выберет ту, которая не будет соглашаться с каждым его словом. Он не из тех мужчин, которые удовольствуются браком по расчету, – отозвалась Персефона, и ее лукавый вид насторожил Джессику.

Она с сомнением повела плечами: неужели чертовка Персефона успела коварно подбросить Джеку ее кандидатуру и таким образом вынудила на откровенность? Джек Сиборн все же честен и благороден, невзирая на свою отвратительную уверенность в том, что он волен распоряжаться всяким, кто попадется ему на глаза, даже за пределами своего обширного поместья. Ясно, он вынужден был дать понять старой знакомой, что не собирается делать ей предложение, и мучился от этого так же, как она.

– Можно только гадать, почему семейная жизнь родителей не убедила этого идиота в том, что выбор жены – нечто большее, чем подбор кобылы для случки со скакуном. – Подруга понизила голос, чтобы не услышала леди Мелисса. Та отдавала распоряжения Хьюзу насчет обеда и прикидывала, когда накрывать на стол, чтобы его светлость подоспел к столу. Даже снисходительная леди Генри Сиборн начала бы метать громы и молнии, заслышав столь непочтительные суждения своей незамужней старшей дочери.

– Я сама смутно помню чету Сиборн, гостила у них еще ребенком; но поговаривали, что покойные цапались, как кошка с собакой. Возможно, именно поэтому Джек и настроился подыскать более миролюбивую хозяйку своего дома. – Джессика надеялась, что ее беспечно-веселый тон вполне убедит Персефону доброжелательно принять ту «кисейную барышню».

– Так, значит, я права в своих выводах?

– Я не вполне поняла, что ты имеешь в виду.

– То, что браки по расчету – пресны и безжизненны в лучшем случае и Джек не создан для такой скуки. У него пылкий, бурный темперамент, а надменное равнодушие – всего лишь светская маска. Пустоголовая механическая кукла в роли жены наскучит ему уже на свадебном пире, о медовом месяце и речи нет.

– Не забудь, что его светлость – богатый, достаточно красивый аристократ, ему настоятельно требуется леди, умеющая за внешними регалиями рассмотреть самого человека. Будь его родители живы, они, несомненно, давно уже подыскали бы кандидатку из своего круга – богатую и прелестную, – которая сумела бы понять его натуру, а затем постарались бы познакомить их поближе, – рассудительно заметила Джессика.

– Только не они, – возразила Персефона, выразительно потрянув головой. – Они бы перебирали соперниц до тех пор, пока несчастный Джек не сбежал бы из дома со смазливой пас тушкой только ради того, чтобы доказать свое право на собственное мнение.

– Если он способен выбрать девушку по своему вкусу, нечего и сомневаться, он выберет женой ту послушницу, с которой ему будет уютно.

– Бесцветное «оно» никогда не скрасит его жизнь, – упрямо стояла на своем подруга. Джессика представила себе Джека рядом с существом, которое будет поддакивать каждому его слову, и поежилась – жуткая картина.

Насколько она помнила, Джек Сиборн всегда был непоседлив и полон жизненных сил, подруга, видимо, права. Неудивительно, если после такого бурного детства он предпочел бы видеть в своем браке воплощенную безмятежность, а не безудержную страстность. Какая скука, однако!

– Что бы мы ни думали, его светлость все равно поступит по-своему, как, впрочем, всегда. – Она пожала плечами и постаралась не представлять, каково ей придется, если герцог выберет себе в жены красавицу с характером. «Буду рада», – стоически подумала она и постаралась придать своему лицу безмятежно-довольный вид. Ей ли жаловаться на свою судьбу.

– Нет, если я смогу помешать ему, – возразила подруга с мрачной решимостью. Джессика внутренне ужаснулась. Знай она, что у Персефоны зреют планы отвратить Джека от женитьбы на невзрачной простушке, ей лучше было уехать в Дассингтон к сестре нянчить младенца.

– Ах, Персефона Сиборн, когда-нибудь тебе попадется человек, который не поддастся на твои уловки и уговоры, – деликатно предупредила Джессика.

– Уже попались, милая Джессика. Ты и Джек – два божьих создания, которые своим упрямством способны вывести из себя кого угодно.

– Забавно, то же самое мы всегда думали о твоём характере, – закусил губу Джессика, но не удержалась и рассмеялась во весь голос, когда Персефона, опустив глаза долу, попыталась напустить на себя смиренный вид и потерпела фиаско.

* * *

Вечером Джессика, сославшись на усталость после путешествия, пораньше отправилась спать, но едва Марта покинула её спальню, у двери возникла Персефона и заявила, что от такого комфортного путешествия не устала бы даже её почтенная бабушка. Они проболтали чуть ли не час, уютно устроившись на помпезной кровати. На ней почивало столько английских королей, что теперь никто наверняка не мог сказать, в честь которой названы эти апартаменты. Джесс вспомнила, как они с Ровеной не раз вот так же сумерничали, иногда тайком спускались вниз посмотреть, чем заняты взрослые, а затем пробирались в кладовку и, возвратившись в спальню с добычей, перед сном долго делились своими впечатлениями о гостях, собравшихся в нижней зале. Теперь Ровена чувствует себя очень даже уютно в своей постельке, со своим мужем, вряд ли она пожелает куда-то ехать, и Джесс, несмотря на своё одиночество старой девы, желала ей, разумеется, только счастья.

– Интересно, какая особа из многообещающего маминого списка зайдет дальше всех и завоюет благородную руку Джека, представь, Джессика? – бесцеремонно прервала Персефона её мечтания, напоминая о реальной цели прибывающих завтра гостей.

– Какой список?

– Потенциальных жен, разумеется. На какую ты бы поставила?

– Ни на одну, – покривила душой Джессика. – Мне заранее жаль ту, на которую падет его выбор. Представляю, как все вокруг неё будут перешептываться, следить за каждым её шагом. Нет уж, увольте. По мне, так лучше ноги в руки – и домой, это достойнее, чем закусив удила отлавливать жениха-аристократа.

– Джесс, ты недооцениваешь их.

– Возможно, но я не собираюсь обсуждать его намерения относительно той или иной леди.

– Кто бы спорил, – иронично заметила Персефона, но Джессика не захотела понять её намеков.

– Оставим Джека в покое, Персефона, – сказала она, увильнув от опасной темы. – А ты этим летом разве не встретила мужчину, за которого охотно вышла бы замуж? Мне показалось, одно время тебе было весело в компании мистера Хармсбери.

– Неужели? Полагаю, мне предстоит исправить это впечатление, если хотя бы ещё раз он подойдет ко мне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.